

ДВА ТРОНА ПРОТИВ
НАШИХ ЧУВСТВ.

18+

К. Велесмайская

МИРАЖИ ЭМИРА

К. Велесмайская

Миражи эмира

<https://litres.ru/74017808>

SelfPub; 2026

Аннотация

-Перед вами романтическое восточное фэнтези в стиле Великолепного Века-

Спокойный, но несчастный брак. Родной, но увядающий город на краю пустыни. Сердце Киары жаждет новых знаний, мест, чувств, но буря бушует лишь за окном. Пока... Два враждующих государства не объявляют о перемирии.

Мужу Киары выпадает великая честь — отвезти иноземную принцессу-невесту в столицу к эмиру. Однако мечты о новой яркой жизни рушатся, когда Киара застаёт принцессу в своих покоях.

В страхе Киара отправляется в сераль, чтобы спасти семью.

Ей предстоит сохранить перемирие, не раскрыть свои секреты и выжить в мире дворцовых интриг, где прежние иллюзии тают, уступая запретным желаниям.

Содержание

Предисловие	4
Пролог	5
Глава 1: Соседи	11
Глава 2: Принцесса	31
Глава 3: «Мама?!»	47
Конец ознакомительного фрагмента.	61

К. Велесмайская

Миражи эмира

Предисловие

В Зарийской империи нет ничего опаснее трёх вещей: мужчины, ставшего рабом иблиса — джинна-пожирателя; женщины, ослеплённой самолюбованием; и смерти владыки-эмира, восседающего на обгоревшем троне. Ибо его воля — это воля бога, на чьей могиле он правил.

Пролог

Чтобы отдохнуть в тишине и покое, я заперла мужа в погребу якобы случайно. Одно из лучших решений за день.

На закате, когда дюны остывали после дневного зноя, влекло подышать северным ветром. Прохлада, напитанная запахом прелых листьев, сумаха, тмина и подпалённого сатина, лучше всего ощущалась на высоте. Я поднялась на верхнюю террасу, чтобы снова пожелать спокойной ночи Пер-Вилону, городу, что с каждым годом утопал в пыльных бурях или в крови — как повезёт. Живя на границе с враждующим государством, каждый день начинался с утренней молитвы или со страстных объятий в дыму курильниц. Ни того, ни другого я не имела. К богам мне взывать запрещено, а брак... По крайней мере, сейчас мы не ругались так часто, как раньше.

Под ногами путался подол халата, и я сбросила его, оставшись в одной расшитой узорами ночнушке. От лёгкого дуновения плечи, усыпанные родинками, покрылись мурашками, и я шумно выдохнула, облокотившись на балюстраду. С неё посыпалась мелкая крошка. Вспомнилась дыра в крыше, которую я нашла утром, но никому не сказала. Этот дом разваливался, ломался и ветшал быстрее, чем старела моя семья. Плохо. Даже неприлично для титулованного господина, моего благоверного, наместника Пер-Вилона, который еле сво-

дил концы с концами после очередного набега амаринцев. Что же творилось сейчас в городе? Может, не зря я туда не хожу? Заташат в переулок, разобьют нос и попросят выкуп у почти обедневшего господина. Вот будет умора, если меня откажутся выкупать!

Нет, будет ещё смешнее, если я предпочту остаться с похитителями.

Рядом мелькнула тень. Не поворачиваясь, я заявила:

— Если нас заметёт, тебя, может, ещё поищут. Приедет тётка Зехра, вся заплывшая, и своими огромными веерами достанет любимого племянничка. А завидев мою торчащую руку в песке, плюнет и поблагодарит богов за оказанную услугу.

— Господи, Ки, как ты не устаёшь миражировать мне голову, я поражаюсь. А, в погребке дверь сломалась, осторожнее, — ответил муж, зевая. — Я и забыл, что этот час перед сном — время нытья нашей дорогой госпожи. Молодец, что нашла себе занятие.

— Спасибо. Ты всегда меня поддерживаешь. Особенно ценно, когда ты делаешь это издалека. — В известняковых жилищах неподалёку загорелись узенькие окна. Пер-Вилон мал, тих и почти утонул в нищете. — Ты послал людей к Шамалу? Его сады грабят уже вторую ночь. Смотри, какое спокойное небо... Беднягу снова навесят.

— Были дела поважнее. Если ты не заметила, то я всю неделю в разъездах.

— То-то спокойнее стало, — улыбнулась я, вспоминая, как часами валялась в купели, пока вода не остыла, а кожа на пальцах не сморщилась до состояния кураги. — Видела я эти дела. Вон, стоят в трапезной и воняют. Восемь кувшинов? Девять? Сколько в этот раз выклянчил?

Цокнув, муж потянулся к моей шее и изобразил удушение. Да пожалуйста. Задержала на нём взгляд дольше положенного: небрежно отросшая борода, опухшие щёки и игривый румянец, прилипший даже ко лбу — значит, опять весь день пил.

Джан раздражал меня во всём, но оставался единственным по-настоящему близким человеком, которому я была благодарна. На дух не выношу его мелкие кудряшки цвета козьей лепёшки, но всегда люблюсь этими пронзительными медовыми глазами. За семь лет брака он так и не помог мне стать статной госпожой. Часто пил и менял встречи на вечер с нардами. Ему ничего не стоило отмахнуться от прошений горожан, в очередной раз отшутившись, будто письма унесла пыльная буря. Он не замечал мою давнюю тоску, не донимал расспросами и даже почти не отбивался от моих редких нападков. Благородно не лез в голову, позволяя и дальше ничего не хотеть.

— Джан, отправь людей в сады, — вновь попросила я, замерев от внезапного касания. Нежная ладонь с сальной кожей гладила спину и спускалась ниже. Я чуть не скривилась в разочаровании. Такие руки у наместника целого, пускай и

небольшого, города — пробуждали во мне уснувшего борца. Они нежны! Руки мужчины, наделённого великим даром, нежны! Когда Джан последний раз держал в руках оружие? Когда бросался на защиту своих горожан? Неприлично давно его ладони не светились золотом. — Джан, слышишь? Благодаря этим чёртовым бананам ты ещё можешь напиваться! Или опять будешь писать в столицу извинительные поэмы?

— Ладно, не зуди только. Сними одежду, боже, быстрее. Тебе надо расслабиться, колючка.

При каждой близости с мужем я закрывала глаза и представляла Сизые водопады Орвимара, о которых рассказывали торговцы, выкладывающие второсортные шелка на рыночные прилавки. Наше захолустье довольствовалось обедками, несвежими сплетнями, которые перевирали на каждом рынке по пути в Пер-Вилон. Я всегда фантазировала о больших городах, высоких домах и дворцах, которые посягали на небесные просторы по желанию настоящих господ.

«Настоящих...» — это слово я прокручивала, пока муж стаскивал ночнушку, и затем хозяйничал руками мужчины, который давно позабыл о своей врождённой силе. Маг, который не пользуется магией из-за лени — не может возбуждать женщину. Но я никогда в этом не признаюсь, потому что всё ещё ценю Джана за протекающую крышу над головой и какой-никакой покой.

Он сминал мою «кордию», шлёпал её и чего-то там ко-

вырял пальцами, пыхтя на ухо, как сонный хряк. Кордиями называли женские прелести в наших краях в честь цветка с янтарными бутонами: их листья были покрыты мелкими волосками, придающими им грубую «наждачную» ворсистость. Считалось, что «бутон» любящей женщины раскрывается в нужных ладонях и дарит невероятное удовольствие. Нежеланная связь, наоборот, ранит. Наверное, моя кордия могла бы отрастить зубы и сцапать любого с косым взглядом, но... Всё моё женское обаяние потухло, а вместе с этим зачах и цветок.

Первая госпожа Пер-Вилона не грезила о чужих прикосновениях, не трогала себя и не чувствовала жара внизу. Это моя тайна, с которой я уйду душой за горизонт. Хорошо, что Джан...

— Ки, да, сжимай своего господина! — неуклюжими толчками Джан вбивался в меня, облизывая мочку уха. — Знаешь, когда я беру тебя на балконе... Ха, чувствую себя королём мира!

— Ага, будь здоров, — зевнула. Интересно, будут ли дожди в этом месяце?

Я облокотилась на трухлявые перила, пряча кокетливо вывалившуюся грудь за растрёпанными волосами. Захотелось пролежать в купели всю ночь.

Внизу кто-то пошевелился.

Служанка по имени Лейла. О её острый взгляд я резалась постоянно: она меня на дух не выносила, и даже сейчас кри-

вилась, закатывая глаза. В любом другом доме госпожа могла бы взять плеть и наказать грубиянку, которая смела вести себя неподобающе. Мало того, Лейла постоянно вилась рядом с Джаном, делала ему массажи, намазывалась маслами... Но муж слишком глуп, чтобы понять намёки.

Я подмигнула ей, и Лейла сразу отвернулась, внимательно разглядывая старую телегу, гнившую рядом с перекошенным забором. Мне нравилась наша игра в «ненависть и послушание», словесные перепалки, и то, как служанка не жалела специй в мой суп.

Этой ночью Джан не послал охрану в сады Шамала. Ранним утром ограбленный садовод вывалил у нашего дома кучу подгнивших фруктов, крича, что это первый и последний сбор для наместника в этом месяце. И пока Джан махал от возмущения незаполненными бумажками и ругался с Шамалом, я всё ещё грезилась о белокаменных дворцах столицы, которых никогда не видела. Сегодня мне представилось, что на каждом куполе сидят бронзовые обезьяны с крыльями. Может быть, завтра они смогут взлететь.

Глава 1: Соседи

Бегом на прогулку! Сегодня мне наконец разрешили пойти в город. Как назло — одеяния смотрелись неказисто, будто недоспелую грушу нарядили в цветастую салфетку. Осталось только кинуть её, то есть меня, на улицу и ждать, когда прибегут всеядные лысянки.

Затворничество принесло плоды — оливковая кожа не загорела, да и новых морщинок не прибавилось за сезон Солнцепёка. Только волосы напоминали выгоревший на солнце веник из сухих прутьев, но это можно скрыть. Натянуто улыбнувшись в заляпанный поднос, я повертелась с плетёной корзиной из веток финиковой пальмы.

— Ки, когда выкинешь это уродство? — Джан развалился на ковре, подгребая под себя подушки.

— Милый, ты и ночи в отходной яме не продержишься, — шёпотом ворчала я. — Между прочим, я её несколько дней плела.

— Не устала плести? Корзины свои кривые, мою голову... Паучиха, а не женщина.

Закипая от обиды, я крепче сжала ручку корзины и медленно развернулась к мужу, который уже всю поедал виноград с проворных рученок Лейлы. Служанка, не будь дурочкой, сразу прильнула к чужому уху, чтобы я услышала:

— Паучихи часто едят своих самцов.

— Потому что бабы, — кивнул Джан. — Ненасытные хищницы.

Не представляю, что может быть бесполезнее, чем общаться с глухим, повернувшись к нему спиной. Я потуже запрясалась тёмно-синей абайей¹, проверила шейлу² и сразу скрыла нижнюю часть лица, чтобы лишний раз не привлекать внимание. Мир воистину несправедлив: господам воспрещалось красоваться тем, чем наградила природа, а слуги могли изгибаться перед хозяевами, как змеюки, лишь бы получить желанный взгляд своего господина. Временами хотелось насадить Лейлу на ветку и пожарить её на костре. Но Джан обожал эту ослицу, шептался с ней. Иногда казалось, что он уважал её сильнее, чем меня. Самое отвратительное — подыгрывать ему, улыбаться и запираться в мастерской. Так я и повадилась складывать свои обиды в сплетённые корзины.

Хохоча на очередную скользкую шутку, Джан подмигнул Лейле, и та расплылась в поклонах, чтобы аромат новых масел дошёл до нужного носа. Мужу нравилось жить в своём маленьком мире, в котором он видел королевство. Королевство в разваливающемся доме его несносной тётки, ругающей меня за пыль в углах, трещины в стенах и котов-вреди-

¹ Длинное традиционное женское платье с рукавами. Замужние женщины Первилона обязаны его подпоясывать.

² Длинный прямоугольный кусок ткани. Его оборачивают вокруг головы, укладывая складками по плечам.

телей, разоряющих наш курятник.

— У тебя час! Не смей опаздывать! — вдогонку крикнул Джан.

Утренний Пер-Вилон напоминал урчащий живот, который нуждался в стакане прохладной воды. Булькал и звенел кувшинами, шипел кострами и банями, гремел испачканной глиняной посудой о столы, шептал развешанными тюлями, изредка выглядывающими из домов по воле сквозняков. Повозки скрипели, а верблюды всё мычали, тряся дряблыми горбами над кошельками жителей. Утром пахло свежими лепёшками, специями с рынка и благовониями, зацепившись за рясу адептов, выходящих на шествие до Пограничных холмов из нашего единственного храма, куда мне было запрещено приходить без сопровождения мужа. Однажды Джан позвал меня с собой, потому что его мать умерла, но молиться мне нельзя. Каждый день я смотрела на вытянутый купол храма и размышляла: «Неужели обращение обычной женщины к богам оскорбит небеса? Почему мой шёпот был опаснее грубого ора господ, аристократов-магов?»

Вот бы знать больше. О богах и легендах, которые они породили. Почему храмы стремятся ввысь, а не разрастаются по земле? Откуда появилось золото в песке и как оно стало магией? Что чувствуют адепты Шан-Ора, когда колдуют?

— Тётя!

Незнакомый мальчишка лет десяти аккуратно дёрнул за подол платья. Весь покрасневшийся, он тяжело дышал и тя-

нул ко мне грязную ладошку:

— Тётя, подайте! Одну монетку хоть. Пожалуйста, тётя! Умираю с голоду! Дядька Калжир бьёт палками, не даёт хлебushка!

Попрошайка с мольбой в глазах вскочил с рогожи, что служила ему постелью. Личико круглое, а нос большой и острый, как у нашего дефтердара, главного казначея. Зная дурную славу Авраама, думаю, это один из его брошенных бастардов.

— Одну дам просто так, а вторую... — лукаво предложила я, потрепав бесёнка по волосам. Пальцы сразу испачкались в пыли. — Если скажешь, кто утром привёз самые свежие и вкусные фрукты. Хочется бананов.

— Легко, тётъ, наклонитесь! Дядька Калжир всё знает, я сплю у его прилавка, подслушиваю. На рассвете приехали мужики... — обветренные губы шептали купленную правду. Мальчишка, преисполненный важности, покачался на пятках и уверенно махнул рукой на запад, в сторону красного переулка. За ним обычно шныряли бродячие. Да и стражников осталось немного, так что лишний раз в одиночку туда не совались.

Бастард согласился проводить меня. В невзрачных одеждах никто не узнавал госпожу Пер-Вилона. Отлично. Видя глупость Джана каждый день, его наплевательское отношение к службе и лень, я боялась, что жители захотят отыгаться на мне. Сейчас город переживал упадок: королевство Амария любила играть с границами, как коты с клубками ниток. Сволочи не просто устраивали набеги, а издевались над нами. В прошлом месяце повесили двух стражников, отре-

зав им уши. Значит, бедолаги подслушали или узнали что-то секретное, вот и поплатились. Одно радует — набегали ночью, и стража прогоняла их до прихода воинов Джана. Знали бы все, как наместник ночами пил вместе со стражей и позволял им лапать своих слуг — сбежали бы на север, в Лакуум, где правил его двоюродный дядька. Старик извращён, сношается почти со всем, что движется, но гвардия у него крепкая.

Мы остановились. Я попрощалась с бездомным, с тоской взглянув на его покрасневшие язвы. Нельзя забывать, что пески Зарийской империи жалят, жрут плоть и распыляют частицы магии повсюду, рая обычных людей.

— Стой! — крикнула я.

— Тётя?

— Закрывай спину. Вот, возьми.

Сняв с пояса лёгкую накидку, я обернула её вокруг мальчика в два слоя — настолько худым он оказался. Внутри всё клокотало от его взгляда, полного удивления и надежды продержаться ещё несколько ночей на тряпке у табачной лавки. Вижу, как он боялся: вдруг передумаю и отниму подарок? Тогда я улыбнулась: «Вернёшь, когда найдёшь себе дом», что значило — никогда.

Я ещё долго стояла на месте, не обращая внимания на вереницы людей, рокот зазывал и сухие пыхтения верблюдов. Сердце никогда не оставалось равнодушным к уличным сиротам, ведь они напоминали мне...

Нет. Хватит. Зарийские земли жалили не только песком, но и воспоминаниями. Моя кожа слишком мягка, вот и оставалось прятаться: дома или в коконе из одежды. Неважно, я слабая. А слабым ни к чему лишние тяготы, правда же?

Фруктовая палатка нашлась на углу: её сразу облепили местные, лапая сочные плоды. На секунду я заглянула в переулок, куда не ступала много лет. Там, в светло-розовом свечении фонарей, поскрипывала красная дверь. Клянусь, сейчас я слышала оттуда призрачный шёпот, чьи-то смешки и стоны, утопающие в стуке посуды.

— Ай, шельма! Ну не стойте, если не хотите покупать! — обратились ко мне сбоку. Торговец возмущённо постучал по дереву и махнул, мол, проваливай поскорее.

— Раньше вас здесь не видела. — Впрочем, и саму госпожу в этих краях не знали. Редкие прогулки ограничивались центральной площадью или, в крайнем случае, заброшенным фонтаном — нынешним логовом лысянок. — Дайте один банан.

— С ящика или моих из штанов? — хохотнул мужчина. — Клянусь задницей Златогривого, мой урожай такой же упругий и вкусный. Глазки у тебя красивые, шельма. Угощайся.

— Спасибо.

Как я и предполагала, банан оказался спелым, почти перезревшим, но сохранившим ту благородную плотность, за которую ценят наши южные сорта. Кожура, усыпанная мелкими коричневыми крапинками — верный признак того,

что сахар внутри уже превратился в нектар, — поддалась с влажным треском. Стоило обнажить кремовую мякоть, как в нос ударил густой аромат ванили. Первый кусочек буквально растаял на языке, оставляя маслянистое послевкусие, которое можно было катать во рту как шарик.

Вкуснотища! Пока я медленно жевала, торговец ввязался в шумную перепалку с какой-то девчонкой, воровато тянувшей к связке инжира.

— Не поворачивайся. Жуй дальше, девочка. Веди себя обычно, — раздался у моего уха хриплый голос.

Я невольно вздрогнула, и банан встал в горле, вмиг утратив всю нежность. Рядом с прилавком стояла женщина, чей возраст — загадка под слоями тканей цвета спелого граната. Её плечи были густо расшиты золотой канителью, не хуже, чем у дорогой брони, расписанной кузнецами из столицы. Тонкие запястья облепили многочисленные браслеты, каждый из которых переплетала едва заметная нить с узелком.

И запах... его я никогда ни с чем не перепутаю! Горький миндаль и жжёная мирра — аромат, который намертво въедается в кожу тех, кто проводит дни за плотными занавесями, скрывающими солнце. Тоскливыми вечерами я вспоминала те дни, когда дышала этим запахом рядом с хозяйкой Самирой.

Я покосилась в её сторону, чувствуя, как в груди поднялся трепет. Самира часто глядела с мудростью, но и постоянной тоской. Мы держались за один фрукт: кончики её

пальцев, выкрашенные хной, и мои — в ссадинах от пальмовых веток. Лишь одно маленькое прикосновение. Наша тайна.

— Сразу тебя узнала, девочка. Глаза ещё не сожрал воюющий дым зарков. Муженёк прячет тебя ото всех. Подойти ближе я не смогла.

— Самира... — еле выговорила я, равнодушно уставившись на сливы. — Ты здесь! Я не надеялась!..

— Правильно. Надежды дурманят голову и мешают здраво мыслить. Не питая иллюзий.

— Твои уроки я никогда не забуду. Иллюзии не пугают, когда живёшь в них.

Она поправила край прозрачного платка, расшитого бисером, и я заметила на её шее крошечную татуировку — кордию с опущенными лепестками, знак тех, чьё гостеприимство часто покупалось золотом, но всегда осуждалось гостями. Один разговор с Самирой мог опозорить всю мою семью.

— До нас дошли ужасные слухи. Амария хочет расширить земли, и ночными проказами они не обойдутся. Предупреди наместника. На границах беспокойно, а наш прокажённый город манит вражескую саблю.

Затем она помолчала, словно собираясь с духом, и я с волнением прищурилась — что за важную новость хочет сообщить мне Самира, рискуя телом? Беседа с госпожой Пер-Виллона могла привести к тому, что ей отрубят палец или даже кисть. Пришлось отойти подальше, когда торговец бросил на

нас быстрый взгляд.

— Девочка, крепись... Наш эмир скончался, — Самира схватила меня за край абайи, притягивая к себе.

От услышанного я выронила корзину, в которую собирала фрукты. В суматохе мы обе наклонились вниз.

— Скоро его наследник сядет на Чернёный трон. Одна моя младшая вся в ожогах лежит уже вторые сутки за эту правду.

— Не может быть! — не выдержала я, с силой швыряя сливу в корзину. — Джану не сообщали!

— Послушай меня, — Самира схватила мои трясущиеся руки, сжав. — Чего дрожишь? Дыши. Если тайна вступила на земли Пер-Вилона, значит, Амария услышала её шаги. Иди к мужу и собирайтесь в Лукуум. Поняла?

— Я не... Как?

— Память пылью покрылась? Вспомни себя семь лет назад! Торопись! Сожрут нас, девочка, если не саблей, то кое-чем похуже. Амария ненавидит зарков.

Пальцы дрожали так сильно, что одна из слив выскользнула.

Эмир мёртв.

В нашей стране правители не умирали спокойно, окружённые ветвями шепчущей ивы. Их души растворялись в песках только с каплями первой крови. Эмир умирал, и все стервятники, годами кружившие над границами, разом опускали крылья, готовясь к пиршеству. Если Самира говорила

правду и смерть скрывали, значит, в столице сейчас творился невообразимый ужас.

Но здесь, на окраине, мы первые пострадаем от этой тайны. Амаринцы только и ждут, когда железный коготь империи ослабнет.

«Нужно бежать», — билось в висках. — «Собрать Джана, слуг, сбережения. Уходить вглубь страны, в Лакуум, пока они...»

— Самира, а ты... — хотела спросить, уедет ли она со мной из города.

Самира исчезла. Всё осталось прежним: торги, чей-то недовольный голос, розовый фонарь медленно качался в переулке с красной дверью, и только запах жжёной мирры, едва уловимый, подтверждал, что мне не почудилось наше откровение. Правда же?..

Спина выпрямилась сама собой, вытесняя страх. Дрожать от страха — недопустимая роскошь. Сначала нужно вернуться к Джану.

Торговец всё не сводил с меня глаз, ожидая оплаты и криво ухмыляясь. Он облизнул уголки губ, подавая непристойный намёк, и внутри щёлкнула тихая злоба, которая быстро вывела меня из оцепенения.

Бросив монету, я быстрым шагом направилась к местному стражнику. Тот стоял чуть поодаль, у лавки охотника, увлечённо что-то нашёптывая пышнотелой красотке в полупрозрачной вуали.

— Господин, — я прерывала их воркование.

Янычар лениво обернулся:

— Не мешайте нести патруль.

— Несите ваш патруль вон туда, — я указала пальцем на торговца фруктами. — Этот человек — вор и, скорее всего, пособник клана разбойников. Вы ели его бананы?

Мужчина нахмурился.

— Товар как товар. Чего пристали?

— Это сорт с ванильным ароматом, — я подошла ближе, не давая ему опомниться. — Такие растут только в садах Шамала. А сады семьи Ашур, как вам должно быть известно, разграбили подчистую совсем недавно. Магия их рода веками питала самую плодovitую землю Пер-Вилона, этот вкус и запах невозможно спутать ни с чем. Или вы хотите сказать, что тот оборванец — дальний родственник семьи Ашур? Потерянный брат, стало быть?

Стражник посмотрел на меня, как на диковинную зверушку на рынке. Я понизила голос до вкрадчивого шёпота:

— Пока вы здесь развлекаетесь, враги империи едят наши фрукты и смеются над вашей слепотой.

— Ты... ты кто такая, чтобы учить меня службе? — буркнул стражник, провожая уходящую собеседницу расстроенным взглядом.

— Госпожа этого города, жена господина Джана, — отчеканила я, выпрямив спину. — Если через минуту этот вор не будет в кандалах, я лично прослежу, чтобы завтра вы от-

правились охранять соляные копи в самой безводной части пустыни.

Поначалу вояка недоверчиво оглядел мой невзрачный наряд и пустую талию без пояса — знака замужней знати. Но стоило откинуть шейлу, как сомнения улетучились. Побледнев, стражник вытянулся в струнку и, выдав короткое «Слушаюсь, госпожа Киара!», почти бегом бросился к прилавку.

Повезло. Еле продержалась! Сердце металось в сладкой победе, но ещё было взволновано новостями от Самиры. Нужно домой. Скорее. Я уже развернулась, чтобы скрыться в лабиринте узких улочек, как вдруг их заполонил протяжный вой. Леденящий душу каждого, кто родился в наших краях.

Возглас шофара³ я слышала по ночам, но никак не днём. Долгий, тягучий... Звучание глубокое и устрашающее — все горожане прекратили суетиться и вгляделись в сторону сторожевой башни.

«Пыльная буря?» — подумалось, прежде чем ветер донёс отдалённые крики. — «Умоляю, лишь бы пыльная буря...»

С восточной стороны раздался топот. Десятки копыт вгрызались в сухой песок. Приближались!

— Амаринцы! — закричал кто-то из окна. — Амаринцы в городе!

Невозможно! Они всегда нападали ночью, осторожно прощупывая оборону. Джан называл их крысами, пока сам вёл себя как мышь, но сейчас, в ярком свете солнца, они по-

³ Сигнальный инструмент, сделанный из рога животного.

неслись на город подобно пожару.

Всадники в красных тюрбанах ворвались на площадь. Изогнутые сабли вспыхивали на солнце, и с каждым убитым — сталь получала алую метку. Жители пытались сопротивляться, бросаясь в бой с ножами, глиняными горшками, даже кидали мешки с солью, но первая линия мужчин просто исчезла под копытами. Амаринцы сносили защитников ударами с плеча, не оставляя шанса даже коснуться оружия.

— Женщин — в сёдла! — гремел чей-то гортанный голос.
— Остальных режьте!

Ад обрушился на Пер-Вилон. Улицы, ещё минуту назад жившие своей кипящей жизнью, превратились в место бойни. Люди бежали, натыкаясь друг на друга. Вопли ужаса тоннули в рокоте разбитой посуды и треснувших ящиков, которые вспыхивали то тут, то там. Кому-то в окно бросили загадочный шар, и он извергнул огонь! Я впервые вижу столь страшное оружие! Женщина, атакованная пламенем, замала руками и с воплями вывалилась из окна.

Тогда я бросилась бежать, но длинный подол абайи тут же запутался между ног. Я упала, разодрав ладони в кровь. Затем вскочила, немного пробежалась и опять свалилась, задыхаясь от пыли и гари.

«Ненавижу это платье!» — рыдала про себя, пытаюсь разорвать крепкую ткань. Тщетно.

Рядом со мной пронёсся всадник. Он на скаку перерезал горло верблюду, стоявшему у коновязи. Громадная туша

рухнула прямо под ноги, и меня окатило горячим, густым фонтаном крови. Горько! Красный туман застлал глаза, и я закричала в рукав, вжимаясь в тёплую, ещё вздрагивающую плоть животного. Повезло — всадник проскакал мимо, решив, что задел меня.

Кое-как вытерев лицо, я выскочила из-за туши и огляделась.

В паре шагов лежал тот самый бастард из табачки.

Он согнулся калачиком, его маленькие ручонки всё ещё сжимали полупрозрачную ткань, которую я заботливо обернула вокруг язв. Больше не светлая, а тёмно-бурая, испачканная. Амаринец, даже не притормозив в сомнении, вогнал копьё в его хилую грудь. Ребёнок просто не успел убежать. Ему даже не позволили... Сволочь не пощадила мальчишку, больше похожего на веточку из моей корзинки, нежели на будущего мужа.

Внутри что-то сломалось, вызвав бурю под ясным небом. Весь страх, вся мягкотелость, о которых я причитала, сгорели в один миг. Осталась только чёрная ненависть, стянувшаяся в узел прямо на горле. Не могу дышать... Не могу! Ненавидеть — вот что в моих силах прямо сейчас, пока я стою посреди хаоса, согнувшись пополам от беспомощности.

Ноги сами рванули с места, ведóмые зловещей яростью. Убийца как раз разворачивал коня, лениво вытирая копьё о край седла. Довольная улыбка всадника подпитала мой гнев. С криками бешеной птицы, я ринулась к нему. Рывок. Паль-

цы вцепились в ногу, увлекая его вниз. Не ожидавший атаки амаринец рухнул на землю.

Скривившись, я колотила его по лицу и шее, не чувствуя костяшками пальцев боли от сопротивления его брони. Он отпихнул меня, потянулся к кинжалу, но я оказалась быстрее — схватилась за камень, валявшийся рядом, замахнулась...

... и замерла. Эти броские жестокостью глазёнки сковали. В черноте его души я увидела себя: госпожа, измазанная в крови, которая с овечьей статью бросилась на койота. И пожалела, когда руки под камнем предательски задрожали. Хищники чуяли страх, и этот не стал исключением.

— Шваль прыгнула за мясом, а зубки-то ещё в утробе...
— прохрипел амаринец и ударил в живот.

С кашлем я завалилась набок, выплюнув:

— Твари! Будьте вы прокляты!

Я кричала без остановки. Трое амаринцев медленно приближались, поднимая сабли. Понимая, что конец близок, мне стало жаль. За все годы я даже не пыталась что-то изменить: научиться чему-то новому, выехать за пределы Пер-Вилона, да хотя бы полюбить мужа... Попытаться полюбить, раз мне выпала счастливая сторона монеты.

Тени остановились. Кажется, они отвлеклись! К нам приближались воины, пожалуй, самые красивые люди в этот момент. Поношенная одежда не умаляла их стати. Грязно-бежевые от пыли кафтаны облегали мощные плечи, а нашитые на жилеты медные полосы ловили свет, поблёскивая вмя-

тинами и царапинами. Грудь защищали нагрудники из дублёной в соли верблюжьей кожи. Стальные шлемы скрывали шею, а поверх металла в несколько слоёв вились льняные тюрбаны.

Аристократия Пер-Вилоня, воины-маги, наконец-то! Они принесли с собой сильнейшее оружие империи.

Золотые всполохи, похожие на светящуюся песчаную крошку, взметнулись над площадью, зацепив цветастые палатки, тюль у ближайших домов и несколько красных тюрбанов. Вот она. Великая древняя магия аристократов, которую мне так редко доводилось видеть. Золотой песок под их пальцами превращался в режущие лезвия, щиты, даже удушающие коконы, если маг умело колдовал. Джан рассказывал, что имперская семья могла превращать песок в огонь и управлять им. Врал, наверное, но мне нравилось представлять великих эмиров в огненных плащах.

Бой выровнялся. Маги выкашивали ряды нападающих, ранив жалящими хвостами из песка вражеских коней. Половина амаринцев сразу начала отступать к границе, прихватив с собой женщин. Одну девушку я узнала — она разговаривала с тем стражником совсем недавно, а теперь... Только Златогривый знал, что её ждало на чужой земле в руках варваров.

Видя израненные тела налётчиков, я поднялась и выдохнула с облегчением. Рядом оказался человек в богатых одеждах. Молодой господин, чьё имя я не помнила, но знала его

отца — порядочного хозяина Пер-Вилонских шахт — вскинул руки и закружил ими над головой. Пытался вызвать золотой вихрь! Но из его пальцев вылетело лишь жалкое облачко пыли, которое тут же рассеялось на ветру. Он попробовал снова — лицо его исказилось от напряжения, жилы на шее вздулись, но магия ответила ему хилым плевком из ладоней. Я даже опешила, схватившись за грудь.

Он посмотрел на свои руки с таким ужасом, будто они его предали. В этот момент наши взгляды встретились.

— Берегись! — заорала я.

Амаринец, стоявший за его спиной, не замешкался ни на секунду. Сталь вошла наследнику угольных пещер между лопаток и вышла из груди с чавкающим хлопанием. Молодой господин упал молча, и его немощная магия окончательно погасла. И я поняла, что никогда не забуду его растерянный вид и внезапную беспомощность, перед тем как душой отправиться за холмы.

— Вставайте! — знакомый голос вырвал из оцепенения.

Кто-то подхватил меня под мышки. Лейла! Откуда она здесь? Её прислал Джан? Нет, она следила за мной. С самого начала.

— Скорее! Хозяин ждёт дома!

Конечно, где бы ему ещё быть в такой час?

— Шевелитесь!

Лейла потащила меня прочь, пробираясь через трупы и обломки. Площадь тонула в золотой пыли и красном пламе-

ни, и я повторила слова Самиры: «Эмир скончался». Шайтан, надо было выйти из дома на день раньше! Я окинула взглядом брошенную корзину, которую разорвала чья-то быстрая вспышка, вспомнила лицо негодяя, что смеялся надо мной, лёжа подо мной, и заметила, как быстро и свободно двигалась служанка с оголёнными ногами. Так и не найдя, кого обвинить во всём, я покорно поспешила от взрывов и вскриков.

Глава 2: Принцесса

Мечта каждой девочки в Зарийской империи — облачиться в золотые шелка и оказаться под покровительством сильнейших мира, аристократов. Когда я впервые вступила на лестницу резиденции Бозкурт, то поверила, что передо мной открылись все двери до самого Янтарного залива, но на самом деле... Всего одна дверь. Сейчас уже обшарпанная и скрипучая, каждый день хотелось снести её силой мысли или представить, как её доломает ураган. Осточертело сутками сидеть на балконе и считать лохматых козлов на холмах.

Как быстро менялись желания, если клетка становилась укрытием. Когда мы с Лейлой вернулись домой, ноги подкосились перед резервуаром с чистой водой, которую утром наполняли слуги. Небольшой бассейн прямо в зале, под открытой частью крыши, уже успело окропить сухими иголками, что принёс ветер.

— Ну же! — Я тёрла руки, намочив рукава и шею, плескала на себя воду, лишь бы смыть кровь.

Вода мгновенно помутнела, но легче не стало. Кровь словно въелась в кожу, обжигая изнутри. Тело била дрожь, заглушая голоса вокруг. Откуда-то доносились отдалённые вопросы, кто-то тряс меня за плечи, а я слышала лишь взрывы и смех амаринцев. В резервуаре на меня смотрели мёртвые глаза мальчишки, который так и не успел потратить зарабо-

танные монеты.

«Киара! Сестра!»

Я крепко зажмурилась и оттолкнула чужую руку.

— Ки, бешеная! Успокойся, атаку отбили. Ты в безопасности. — Джан отряхнулся и махнул на меня, пока я пыталась вспомнить, когда это рядом с ним было безопасно. — Хазин, потери большие?

Хазин-аль-Сихр давно служил роду Бозкурт, отчитываясь Джану по всем вопросам, начиная с ведения его истощённой казны и заканчивая последними сплетнями. Этот человек бывал в разных городах и даже несколько раз посещал Орвимар. Низкорослый мужчина объездил каждого родственника Джана и отъел благородное брюхо, едва удерживаемое широкими поясами. На них вечно позвякивали мешочки с табаком и карамелью. Его борода, сужающаяся книзу, напоминала волчий хвост, нелепо прикреплённый к круглой голове. Почему же он мне не нравился? Всего один раз я попросила привезти мне книгу, но получила ответ: «Госпожам не следует читать больше одной книги в год. Если хотите развлечься, то проведите время с мужем».

— Восемь похищенных женщин. Четырнадцать наших убиты. Двое из аристократии. — Хазин подошёл к окну и прищурился, оставаясь слишком спокойным. — Утром мы навестим семьи погибших и выразим соболезнования.

— Все четырнадцать семей или лишь две? — Надо смириться, что одежду придётся выкинуть. Мокрая и грязная, я

встала и вырвала из рук Лейлы чашу с водой.

— Госпоже Киаре следует пойти наверх и отдохнуть, — выразил своё «фи» Хазин, оглядев меня с ног до головы. Нет уж, пусть видит, как на самом деле выглядит Пер-Вилон!

Джан тоже разворчался:

— Сама виновата, что потопала на рынок одна. Тебе очень повезло, что выбралась оттуда целой и невредимой. Насчёт головы я не уверен, но это скорее врождённый недуг.

— Я искала воров. Да! Чего смотришь? Кто-то же должен заниматься делами, пока ты считаешь песчинки.

— Твои дела касаются только этого дома, а ещё доходчивее — нашей постели. Не огрызайся! — наседал Джан, явно обиженный моим напором.

Не выдержав его надменного вида, как у короля, правящего горкой из черепов, я усмехнулась и подошла вплотную, не намереваясь сдерживаться в обвинениях:

— Ты допустил это. Ты, ясно? Стражники распоясались, охрана города должна быть усилена. У тебя крадут свои же из-под носа, торгуют на границах, набегу участились, а ты не можешь починить скотскую крышу в доме!

Думаю, я слишком увлеклась, отчитывая мужа при Хазине, но сказанного не воротишь, а передо мной всё ещё намертво падали люди, поражённые голодной сталью. Я ждала, что Джан меня ударит. Он даже занёс руку: весь покрасневший, надутый, с дрожащими губами, явно хотел пресечь меня звонкой оплеухой, но не смог. Сегодня его жена была в

красном. В самом тонком, но слишком омерзительном платье — крови. Побрезговал? Да, вон как сморщился. Или до него наконец дошло: раз эта гадость просочилась за порог резиденции, значит, и мастера «кровавого кроя» уже совсем близко? О том, что кровь верблюжья, я умолчала.

Джан открыл рот, но промолчал, когда с лестницы слышались шаги. От этой походки вразвалочку меня откровенно передёрнуло.

— Ай, воете койотами! Дайте поспать, чего разорались? — возмутился недовольный голос.

— Господин, — кивнул Хазин, разочарованно смотря на нашу семейку. — На город напали.

Я никогда не могла предугадать, что выдадут уста, напоминающие лепестки ядовитого олеандра. Их обладателю уже шестнадцать — противнее возраста я не знаю. В головах плясали перекати-поле, они же и вспыхивали, как фитили, при виде искры огня. Юноша, спустившийся со второго этажа, забавы ради мог смеяться над вещами, которые нормальных людей печалят: последствия Солнцепёка, когда ближайшая река пересохла, а скотина дохла; или пропажа молодой госпожи, чьё тело нашли истерзанным в бочке. Как он тогда говорил? «Солёная госпожа вкуснее огурчика». Вытянутый, он унаследовал кудряшки своего отца, но остроте языка научился сам. Его звали...

— Мурат! Ты решил проспать всю жизнь? — хохотнул Джан, обрадовавшийся, что обстановка смягчилась.

— И днём морды высунули? Гляньте, додумались же. В темноте всё неудобнее лавки громить. Да и красивых женщин при свете найти легче, чем ночью.

— Ой, не говори. Поумнели что ли?

— Па, спорим, они похищают баб, чтобы осеменить их? Думают, что от каждой родится маг. Задницы обезьяньи.

Я прожигала взглядом разбалованного отпрыска, вспоминая, как один из амаринцев схватил девушку с площади, и она кричала, моля её отпустить. Мурат перехватил мой взгляд. Тут же вытянулся, картинно сцепил пальцы в замок и прищурился.

— Мама, — почти промурлыкал он, подходя ближе. — Лови!

Не успела опомниться, как на грудь прилетел сколдованный паук из золотого песка. Я вскрикнула, подпрыгнув на месте. Пока до меня доходило, что это очередная забава Мурата, тот всю хохотал, схватившись за живот.

— Хватит! Не смешно. — Мерзкий паук свалился на пол. Гад сразу побежал к хозяину, забрался по штанине и осыпался исчезающей крошкой. — И не называй меня мамой, — чуть тише попросила я.

— Никогда не надоест, — сказал сам себе Мурат и подмигнул, задерживая взгляд на моей груди: мокрая ткань прилипла и слишком выделяла бюст. Я смутилась и поскорее закрылась руками, понимая, в каком неглиже предстала перед всеми.

— Приказы будут, господин? — устало спросил Хазин.

— Рахат-лукум закончился... — перебил мужа Мурат.

Не в силах терпеть этот бардак, я укрылась пледом с дивана и направилась в баню, чтобы привести себя в порядок. Меня провожало неуверенное блеяние мужа:

— Э-э-э... Приберите там всё. Трупы, площадь... И побольше стражи у входа, на всякий случай. Да, и узнайте у Болана про карты. Хочу отыгаться.

Вздрогнув от распоряжений мужа, я развернулась и громко заявила:

— Эмир мёртв. Нам нужно уезжать в Лакуум. Сейчас же.

Я ждала чего угодно: что в меня швырнут тётушкиной вазой, куда я сплёвывала шелуху от семечек; проклянут или запустят песчаный снаряд прямиком в рот, чтобы проучить. Однако дом Бозкурт оцепенел. Мурат сгорбился и усталился в стену, Хазин нахмурился, схватившись рукой за пояс, а Джан выпучился, как недоношенный котёнок лысышки, которого окатили ледяной водой.

— Т-ты дубина или... д-да? — заикаясь, выдал муж, бегло осмотревшись по сторонам. Боялся. Мне тоже страшно говорить такие вещи про великих эмиров, посланников Великих Богов и Хранителей Шан-Ора.

— Или да. — Хазин покачал головой, будто я ему иголкой в уши лезла, хотя, наверное, так и звучали мои слова. — Откуда весть?

— От надёжного источника. Просто поверьте.

— Твой единственный источник — домашняя купель! В которой ты киснешь часами. Не миражируй нам голову, нельзя разбрасываться такими жуткими заявлениями. Всё, иди в мастерскую! — Джан шумно выдохнул. — Хазин? Чего глаза опускаешь? Неужели...

Дальше всё произошло мгновенно: Джан схватил Хазина и впечатал его в стену, но ударился рукой и сам отскочил, обиженно пнув сундук. Из-за вздохов и стонов я еле различила: «Ты знал! Вижу, что знал!»

Вмешался Мурат. Он выставил кулак, на запястье которого тут же засиял браслет из тусклой пыли. Магический прицел замер на Хазине. Юноша дрожал от напряжения, но не отступал — в отличие от отца, не боялся пользоваться даром.

— До меня доходили слухи!.. — оправдывался Хазин. — Письма из дворца не поступало! Простите, господин!

— Жук навозный, ты хоть представляешь, в какой мы все опасности? — выступил Джан на Хазина, опустив кулак сына. — Собираемся сейчас же. Пните слуг, мы уедем на рассвете. Мурат, ты понял?

— Отец, а мы не можем вздёрнуть дикарей? Дать отпор. В этот раз я напомнила о себе едкой усмешкой. Да настолько громкой, что все три головы одновременно повернулись ко мне с нескрываемым раздражением. Больше к этому вопросу мы не возвращались.

Несмотря на все ужасы, моя душа ликовала: «Я нако-

нец-то побываю за пределами Пер-Вилона, познакомлюсь с другими людьми, найду новые книги!» — и это ощущение цвело во мне всю ночь. Пока Джан пил и курил трубки, а Лейла делала ему успокаивающие массажи, я заботливо обернула свою коллекцию: сборник стихотворений и два тома «Зарийской истории» с вложенным листом по основам боевой магии. Думаю, это самая большая коллекция книг у госпожи в нашем захолустье. На самом деле у меня спрятана ещё одна книга, но...

От воспоминаний я поёжилась, стоя на затоптанном сандалиями балконе.

— Соберись, завтра тебя ждёт Лакуум. Нельзя унывать! — Я хлопнула в ладоши, и с соседнего балкона раздались издевательские хлопки.

Мурат изображал меня: прильнул к балюстраде, скривил лицо, будто на него свалились все тяготы мира, и, вытянув губы в трубочку, хлопал. Вот ведь шакалёнок! Вся романтика момента улетучилась. За это я показала Мурату неприличный жест.

— Ну-ну, не дуйся, — он прикоснулся указательным пальцем к груди, а затем перевёл его на меня, создав золотую нить. Щелчок. Нить превратилась в стрелу и полетела в меня. — М-а-м-а.

Его очередная забава вышла из-под контроля: стрела разбилась о место чуть ниже моего живота. Горячее дуновение смутило меня настолько, что я вся сжалась и упала на коле-

ни, дрожа от стыда.

— Как ты смеешь... Противный мальчишка!

Мурат цокнул языком и ещё раз поманил указательным пальцем, чтобы я зашла в его спальню. Отвратительные, недопустимые шутки, от которых мне никак не защититься. Ужасный возраст — эти шестнадцать лет.

Только мысли о предстоящей поездке спасали. Может, в городе побольше мне удастся ненадолго скрыться и затеряться среди толпы, пока Джан в моментах трезвости не вспомнит, что приехал не один.

Только утром мы никуда не поехали. Вещи так и остались лежать на пороге, а карету даже не успели запрячь.

Из Орвимара пришла скорбная весть: «...над каждым поселением, будь то затерянная стоянка зарков или великий город; над всяким галеоном, идущим под кошачьим знаменем по ветрам Ревущего моря; над самим Великим Гребнем, что рассекает пески Вилонской пустыни, — всюду, где теплится дар дракона и где плотью жертвуют во имя драконьей силы, люди узрят в небесах ослепительный разрез. То было послание из тронного зала Костяного дворца, разнёсшееся над всей империей. Знамение гласило: небо расколосось от горькой потери эмира, чья душа, в последний раз облетев свои владения, упокоилась в песках». Так писали в книге.

Ничего прекраснее я не видела. Но восторг сменился неприятной истиной — правитель из Орвимара в самом деле мёртв. И сейчас, стоя на крыльце с собранными вещами, я не могла отвести взгляд. Неуважение.

— Сила династии может гласить на всю империю. Немыслимо, — восхитилась я вполголоса, чтобы не нарушить тишину, в которую погрузился весь Пер-Вилон. Я даже услышала шорохи ящериц и мяуканье лысянок.

Утрата империи недолговечна. Совсем скоро избирали нового наследника престола. К сожалению, я не знаю нынешнюю династию, ведь моя книга по истории охватывала хронологию до 1500-х годов. Устарела почти на десять лет. У Джана хранилась летопись, но трогать его документы мне строго запрещалось. Однажды он даже поставил охрану, чтобы я больше не читала его скучную почту.

Комета горела несколько дней. Джан сказал, что совсем скоро всем наместникам поступят новые указания, либо представителей даже пригласят на региональный совет. Он с волнением ходил по дому. То радовался и выпивал за будущее, то грустил и злился, что перемены могут прийти не с лучшей стороны.

— Главное, чтобы не со стороны Амарии, — я пожала плечами, когда муж показывал свои парадные наряды, пытаясь выбрать самый подходящий его статусу замыкающего наместника. Последний — не значит худший? Раскрыл бы

он уже свои глаза. — Джан, а если будет собрание, ты возьмёшь меня с собой?

— В столицу? Смешно.

— Пожалуйста! Я ни разу не путешествовала. Буду тихой, даже не пикну, клянусь.

— Даже не начинай. Мы не можем рисковать, особенно сейчас. Знаешь, если новый эмир проведёт нужные реформы, мы сможем обогатиться. Нам это сейчас крайне необходимо! Моя репутация должна быть чистой. А ты... — он замялся, откладывая ярко-зелёный плащ. — Не мути воду, ладно?

— У тебя уже вместо воды — вино. Нечего мутить, — обиженно фыркнула я, отвернувшись. — Столько лет слушалась! Я не заслужила твоего доверия?

— Как бы сказать... Даже не знаю, м-м, Лейла, выручай!

— Фальшивую госпожу видно издалека, — как мантру отчитала служанка, держа в руках поднос с фруктами. Когда я потянулась за виноградом, она отошла на шаг назад. — Если вашу личность раскроют, то семьи Бозкурт не избежать наказания.

— Я бы лучше вжилась в роль, посещая всякие светские трапезы.

Джан усмехнулся и встал перед зеркалом, прикладывая к себе уже другой плащ глубокого синего оттенка:

— Не, ты уже старая для гулянок. Учитывая, что тебе якобы тридцать три. Пора угнездиться, подумать о приходящей

старости...

— Джан! — Я бросила подушку на пол, затем снова потянулась за виноградом, но Лейла опять отошла. — Раз уж «забрал» мои десять лет молодости, будь благосклоннее.

— Да о чём ты будешь беседовать с зарийскими девами? Угомонись и слушайся меня. Может, следующей весной съездим на пляж.

Не успела я возразить, как в покои ворвался Хазин: запыхавшийся, с крупной испариной на лице и скривившийся от страха. Его пояса сползли, и рубашка небрежно повисла, делая его ноги ещё короче. В руке держал свиток с золотой лентой.

— Новому эмиру присягнули на верность, — отчитался Хазин. — Здесь его имя и первый приказ для вас. Прочтите скорее!

— Так быстро!? Давай сюда!

Джан прытко перелез седир⁴и выхватил свиток, жадно вчитываясь в заветные строки. Его выражение лица я описала сразу: ступор обыкновенный, детское удивление, негодование с капелькой страха; затем муж вытянулся, скривил нижнюю губу и снова впал в ступор. Три круга эмоций, прежде чем он оторвался от свитка и, на удивление, первым делом взглянул на меня.

— К нам приедет принцесса Амари, — еле выговорил Джан и рухнул на седир. — Сюда. В Пер-Вилон. В наш дом.

⁴ Низкая софа.

Мой подбородок дрогнул, а глаза с ужасом расширились. На миг я позабыла, что за хряки пыхтели со мной в комнате, но кашель Хазина быстро привёл в чувство — это не сон. Джан медленно передал послание. От волнения скрутило живот.

Наследник Чернёного трона одним днём заключил перемирие с давним врагом, который более пятнадцати лет терзал Зарийские земли. Чтобы создать новый союз, в Орвимар пригласили юную дочь правителя Амарики, принцессу Лиандру. Она станет женой нового эмира.

А моему *«... ответственному и исполнительному наместнику Пер-Вилоня необходимо сопроводить принцессу Лиандру в столицу и отчитаться перед эмиром хазретлери. С момента получения этого письма, за сохранность принцессы на Зарийских землях несёт ответственность весь род Бозкурт. Сопровождение принцессы — тайна, которая должна быть сохранена кровью вашей семьи»*.

Сначала я взглянула на трещину в стене, которую пыталась завесить ковром, но он так и отвалился уголком из-за постоянных сквозняков. Затем пробежалась по полу, встретила взглядом с упитанной мышью, мы тепло распрощались, и я улыбнулась так, будто уголки рта тянули ниточками с разных сторон. Джан ждал от меня решений? Чтобы по щелчку пальцев я сколдовала нам роскошную резиденцию с пышной зеленью и столами, забитыми всевозможными яствами?

— Когда её нужно встретить на границе? — проскулил Джан, всё ещё не моргая.

— Через два дня, господин.

— Понял, да... Что ж... Всего два дня осталось жить. Не будем терять время! Хазин, пойдём, опустошим пару кувшинов. Выпьем за свои будущие поминки.

Мужчины кивнули друг другу и удалились, оставив меня наедине со свитком. Я повертела его в руках, ещё раз прочитала и поднесла к носу.

— Как интересно. Мандарины и что-то терпкое. Понюхашь? — спросила Лейлу.

Конечно, она не ответила. Тогда я встала, аккуратно свернула письмо и убрала в ящик своего стола. Пока Джана страшила лишь одна мысль быть причастным к чему-то столь великому, как сопровождение настоящей принцессы, я же не могла успокоиться: глаза намокли, в груди родился сладкий виток, от которого вскружило голову. Тогда я прижалась спиной к стене и широко улыбнулась.

— Лейла, собери всех слуг. Нужно привести резиденцию в порядок.

— Хотите попытаться? Господин Джан...

— Струсил, — договорила я. — Твой любимый господин всегда хотел выделиться, встать под луч света на отшибе мира, и когда ему выпал такой шанс — груз ответственности обличил его кроличью натуру в волчьей шкуре. Мы обе прекрасно знаем, что это событие поделит наши судьбы на «до»

и «после». Неужели тебе хочется просто ждать?

Лейла прищурилась и искренне ответила:

— Только фальшивая госпожа спрашивает мнение у служанки.

Наши улыбки встретились. Пока план обрастал распоряжениями, Лейла молча пододвинула поднос ближе. Вот и заслуженная награда: сок спелого винограда на языке и перемены, от которых муженёк меня не отгородит.

Глава 3: «Мама?!»

Пер-Вилон медленно вымирал. Одни и те же торговцы годами сновали между городишками, скрипя рассохшимися телегами. Кочевники в наших краях не задерживались: слишком частые бури, скудная растительность и опасная близость извергов, любивших совершать набеги. Опасно.

Но сегодня мне чудилось, будто город превратился в тихую гавань. Ветра стихли, и даже дикие вараны вежливо скрылись.

— Да, помощь природы нам не помешает, — кивнула я, стоя вместе с семьёй и слугами у въезда в резиденцию. — Джан, выпрямись, они вот-вот приедут. Ты уже придумал, как объяснишь, почему не встретил принцессу на границе?

— Ки, я всю ночь...

— Слизывал вино с груди Лейлы, — перебила я. — Ещё плакал, стучался ко мне и что-то мямлил про последнюю ночь любви.

— Всё-всё! Скажу, что проверял защиту резиденции. Между прочим, слуги вылизали дом, молодцы! А крышу Мурат починил, да? Сын?

Разряженный Мурат высматривал карету. Даже причесал волосы и повязал на лоб тонкую ленту со знаменем Бозкурт — мешочек с солью, который лежал на двух ладонях. Неплохой доход в прошлом, правда сейчас остался лишь один со-

ляной каньон, в котором работало три калеки. На город хватало. Я слышала, что даже в плохой сезон люди жевали кожаные ремни. Если с солью — терпимо.

— Мурат! — шипел Джан. — Ты же починил крышу?

— Отец, я думал крыша на тебе... — даже не шелохнувшись, ответил тот. — После второго кувшина ничегошеньки не помню.

— Баран.

Да, люди сойдут с ума, вражеские принцессы отобедают из наших подносов, но эта семейка навсегда останется такой же. Я гадала, как, наверное, скучающе смотрюсь со стороны. Веселье мне чуждо. Джан говорил, что моя натура похожа на высохшие озёра с грязевыми трещинами.

— Едут! — крикнул то ли Мурат, то ли Джан. В моменты сильных волнений слух подводил.

На тропе, ведущей к дому, показалась двухместная карета с тёмными шторами. Она неспешно приближалась, тягаемая двумя статными жеребцами. Некрупные лошади с утончённой статью — вилонские скакуны, чьи тонкие копыта и гордо выгнутые шеи, отливающие серебром под палящим солнцем, не могли не радовать. Джан отдал последние сбережения, чтобы Хазин поменял верблюдов на коней.

Карета остановилась, подняв облако мелкой пыли. Джан нервно поправил ворот кафтана, а Мурат оцепенел, уставившись в лакированную дверцу.

Первым вышел Хазин. Старый шакал тоже принарядился:

напялил парчовый жилет, украсил тюрбан цепочкой. Он коротко кивнул нам, негласно предупреждая: «Держитесь достойно».

Следом вышел человек, заставивший меня невольно поёжиться. Высокий, широкоплечий, с кожей цвета эбенового дерева. Пугающие рыбы глаза уставились на меня. Один из них был мертвенно-белым, затянутым бельмом от древнего шрама. Лицо чужака напоминало карту сражений, а татуировки на бритой голове — счёт трофеев. Я задержала взгляд на полосках, пересекавших массивный лоб, веря, что это сделали зарки. В ушах амаринца поблёскивали тяжёлые кольца, а за спиной в кожаных ремнях покоилась массивная секира с навершием в виде оскаленного льва.

И только когда великан замер, из кареты вышла она. Принцесса Лиандра.

Казалось, вместе с ней в знойный Пер-Вилон прокралась прохлада знаменитых горных вершин Амарики. Я откровенно засмотрелась на королевский наряд из бесчисленных слоёв тончайшего белого шёлка и муслина, расшитого нежно-голубыми нитями, похожими на капли дождя. Когда я разрежала моток ниток, то он раскрывался «юбкой» из многочисленных ворсинок, и сейчас принцесса казалась мне такой же — почти воздушной, даже... мягкой! Словно облако, спустившееся на песок, она даже следа не оставит. Голову и лицо закрывала расшитая маска и плотная накидка — ни единого локона не выбивалось наружу. Лишь её ясные и холодные

глаза, пристально изучали нас сквозь прорези.

— Я — принцесса Лиандра Майши-Ро, наследница Трона Трёх Ветров, дочь Владычицы Снежного Пика, — раздался тихий, но властный голос. — А это мой «второй клинок», Ижи. Он сопровождает меня.

Перед нами стояла хрупкая дива с тонкими запястьями, но в её осанке и чуть поднятом подбородке чувствовалась сталь поколений, которые воспитывают своих детей так, чтобы, будучи ниже ростом, они всегда выглядели выше всех.

Она обвела взглядом фасад дома, облупившуюся краску на расписных колоннах, скудную лепнину и немногочисленных слуг, опустивших головы.

— Мы прибыли из сердца Амарики, чтобы продолжить путь в великий Орвимар. Но... — она запнулась, и в её голосе прорезалось недоумение. — Мне говорили, что я останюсь в резиденции наместника. Почему нас привезли в этот... скромный дом?

Джан открыл рот, судорожно хватая воздух, как тот верблюд, которого прирезали у меня под носом. Мурат и вовсе стоял, прикусив язык. Я почувствовала, как по спине пробежал заморский холодок, и шагнула вперёд, склоняя голову в изящном, но сдержанном поклоне.

— Госпожа, — мой голос звучал почти ровно, вопреки колотящемуся сердцу. — Это и есть временная резиденция, выбранная ради вашего спокойствия. Наместник опасается, что в главном дворце города слишком много лишних глаз

и ушей. Здесь же вы останетесь незамеченной. Род Бозкурт сделает всё возможное, чтобы угодить вам.

Лиандра на мгновение задумалась, её глаза сузились. Затем она едва заметно кивнула:

— Мудро. Времена нынче беспокойные.

Джан облегчённо выдохнул, бросив на меня взгляд, полный немого восхищения — он явно не ожидал от «высохшего озера» такой прыти. Мы двинулись в дом, мимо тяжёлых курильниц с ладаном. Но Мурат, чью голову напекло от ещё нераскрытой красоты гостыи, вдруг преградил ей путь. Жуткий воин Ижи потянулся к секире.

— Прошу прощения за дерзость, госпожа, — он протянул руку ладонью вверх. Я в ужасе наблюдала, как его пальцы растопырились, и прямо из крупниц начал соткаться цветок — кривая кордия из мерцающего песка. — Пусть этот дар скрасит ваши впечатления.

«Наглец! Молись, чтобы великан не отрубил тебе за-
пястье. Подарок ещё и некрасивый! Пауки и крысы получа-
ются намного лучше», — мы с Джаном переглянулись, гото-
вые взять Мурата за шкуру и оттащить от гостыи.

Принцесса кивнула. Ижи едва заметно прикоснулся к ору-
жию, но Лиандра жестом остановила его. Она осторожно взя-
ла цветок.

— Знаменитая зарийская магия? Интригующий подарок.

— Простите, Ваше Высочество, — пробормотал Мурат,
внезапно осознав, что натворил. — Он не навсегда... Знаете,
э-э-э, скоро сдуется.

Лиандра тихо усмехнулась и, не оборачиваясь, проследо-
вала в отведённые ей покои, устланные лучшими коврами из
наших с Джаном спален. Как и седир, столик на витых нож-
ках, моё зеркало...

Как только гости прошли вперёд, Джан, не сдержавшись,
отвесил Мурату звонкий шлепок по затылку.

— Задница баранья! — ругался он вполголоса. — Хо-
чешь, чтобы нас казнили? Она — невеста Эмира! Её лицо
— запретный плод, её покой — святыня! Мы лишь перевоз-
чики, верблюды в тюрбанах, и всё!

— Ей понравилось же... Ладно-ладно! Понял.

Я смотрела на закрытую дверь, за которой скрылась таин-
ственная госпожа. В нашем стареньком доме, покрытом тре-
щинами и безразличием хозяев, теперь находилось сокрови-

ще, предназначенное для самого правителя Зарийской империи.

— Лейла! — позвала я служанку. — Будь рядом. Если госпожа захочет омыть руки розовой водой или попросит щербета — подавай незамедлительно. Плевать, что щербета у нас нет, будем выкручиваться. И не смей поднимать на неё глаз. Ты всегда ворчала на меня. Теперь твоя спина не должна разгибаться от поклонов.

Хотелось самой сторожить покои, дожждаться, когда Лиандра выйдет, да даже наведаться к ней под любым предлогом. Спросить, каково это — носить на плечах судьбу целого союза государств? Каково знать, что твоя красота принадлежит человеку, которого ты, как мне кажется, никогда не видела?

«А я знаю запах. Мандарин и что-то горькое, но приятное», — вспомнила я письмо из Орвимара. Ещё одна ценность. — «Нельзя забывать, что в моём доме амаринка».

Эти люди никогда не приносили с собой благие знамения. Как забыть побоище на рынке три дня назад, насмешку убийц и волю того, кто их послал? Вашего отца, принцесса? Деда? Кто виновен в бесконечной ненависти вашего королевства к нам?

— Готовьте ужин, — скомандовала я, оглядывая суесящихся слуг. — Достаньте серебряные подносы и... — во мне клубились сомнения, подкормленные чем-то личным и ещё ноющим. — И больше ничего. Обойдутся.

У «второго клинка» была настолько тёмная кожа, что я невольно поверила — кровь у него тоже чернее, чем у обычных людей. Мы уже минуту прожигали друг друга взглядами, и до меня наконец дошло: «Наша ненависть взаимна».

— Спрашивай, куколка, — с ядовитой лаской заговорил Ижи.

— Повежливее. Что значат татуировки?

— Походы и кампании. Война окрасила два поколения моих предков в эти узоры. А ещё больше жизнью она забрала.

— Как я рада, что это противостояние скоро закончится, — без капли радости ответила я.

— М-м... Амария надеется на крепкий союз и взаимное уважение.

— Надежды дурманят голову и мешают здраво мыслить. Не питая иллюзий.

Неожиданно Ижи ухмыльнулся, и я убедилась оконча-

тельно — этот воин мог поджечь мой дом, выпотрошить Джана и насадить Мурата на что-то острое, пока последняя капля магии не источится в его хриплом кашле.

Но в этой большой партии в нарды мы с амаринцем — лишь шашки. Готова поставить сотню фин⁵: Ижи догадался, что и я мечтала пинками выгнать их отсюда, пустив стрелы в спины. Шайтан, вот бы научиться стрелять! Однажды я пыталась сделать рогатку, но...

Из покоев вышла Лиандра. По-прежнему закутанная, принцесса проследовала вперёд, точно не замечая никого вокруг. Ожидание приглашённой к столу гостьи растянулось на добрых полчаса, но теперь она прошла мимо, приняв меня за мебель. На теплоту я не рассчитывала, но где же обыкновенная вежливость? Мелкое пишмание.

Заметив моё вспыхнувшее негодование перед тем, как пойти следом, Ижи бросил резкое:

— Поймите, госпоже неинтересна безродная хозяйка отстойника на краю мира. В отличие от меня.

Не считая моих испепеляющих взглядов в сторону этой противной парочки, ужин прошёл сносно. Мясную кашу, на которую мы зарубили самого добротного петуха, сначала попробовал хвост Лиандры, чтобы исключить отраву в пище, а затем и сама принцесса скромно погружала ложку и прятала её за никаб⁶. На удивление Джан вёл беседу, рассказывая о

⁵ Один фин приравнивается к 1 рублю 60 копейкам.

⁶ Головной убор, закрывающий лицо, за исключением глаз.

погоде, и о том, как недавно у нас поймали дикую пятнистую свинью, которая терроризировала сады. Его болтовня разби-вала тишину, и я бессовестно погрузилась в раздумья, так и не притронувшись к еде.

За нас двоих усердствовал Мурат, закидывая в рот по несколько булочек, небрежно обмакнув их в мёд. С испач-канным подбородком он так и норовил наклониться к прин-цессе, с которой сел раньше, чем подали первое, и наколдо-вать небольших фигур: ящериц с большими головами, буто-ны цветов, больше похожие на мошонку, и несколько рого-тых жуков на длинных лапках.

Оставалось лишь гадать, когда эти фокусы наскучат го-стью, но самообладание Лиандры внушало невольное ува-жение. Меня же от «колдовства» Мурата передёргивало до рвотного позыва. Спрятанный лист с основами боевой ма-гии так и не познал нужных глаз, хотя я подарила его юному господину, но тот покривился на сложные спирали и длин-ные столбцы теории и сказал, что отец отдаст его в школу к адептам по наступлении восемнадцатилетия. Кошель Джана будет крайне против этой идеи — обучение в храмах Шан-Ора считалось одним из самых дорогостоящих.

— Эй! — возмутился Мурат, когда один из его жуков под-полз ко мне, и я смачно прибила уродское насекомое кула-ком.

— Благодарю за ужин, — Лиандра встала вместе с Ижи.
— Господин Джан, господин Мурат. Тихой ночи вашим по-

коям.

— Тихой ночи, Ваше Высочество, — ответно пожелал муж.

— Д-да! Вам тоже... — Мурат широко улыбнулся, хлопая ресницами.

Чем я заслужила её пренебрежение? Обидно! Во мне уже роилась мечта, что мы побеседуем перед отъездом, но, видимо, женщины Амарии такие же жестокие и холодные, как и мужчины их варварской страны. Как хорошо, что уже утром они все уедут.

Глубокой ночью живот вообразил себя кайотом-бардом и развылся жуткой песней про лепёшку с травами, банановые пирожные или даже горшочек каши... Повинуясь зову голода, пришлось высвободиться из-под лапы Джана — муж во сне то ли храпел, то ли задыхался. Зябко поёживаясь от сквозняка, я накинула халат и, ссутулившись, точно старая

кряква, побрела к выходу.

Думая только о кухне, я даже забыла обуться и босиком пошуршала вниз. Ничто не собьёт меня с пути к запретному удовольствию каждой госпожи — ночному жору. И вдруг...

В соседние покои пробрался стон. Короткий. Но различимый.

Я замерла, пытаюсь убедить себя, что словила ночные миражи из-за голода. Только неприличные звуки повторились. Мурат решил заняться непотребством со служанкой, пока в доме гостила принцесса! Гадёныш!

Гарцуя на цыпочках, я выглянула в коридор, где у покоев Лиандры на табуретке сидел Ижи: раскинул ноги, подпёр туловище руками и дремал. Слава богам! Быстро разгоню двух кроликов-извращенцев, запру Мурата от греха подальше и нажалуюсь Джану.

Полная решимости, я засучила рукава халата и с ноги выбила дверь в покои юного господина.

— Постыдился бы! — вполголоса крикнула я.

Слова с нравоучениями застряли в горле, превратившись в колючий комок из куста сухоцвета. Как же оказывается отвратителен запахок разлитого вина, догоравших свечей и двух потных тел.

На смятых простынях, в неверном свете единственной догорающей свечи, я увидела картину, чья цена одного мазка стоила всех голов семьи Бозкурт.

Мурат, этот непутёвый бесстыдник, навалился на женщи-

ну: нагой, его спина лоснилась от пота, а рваные движения сочились жадной неуклюжестью. Мурат не знал, как ласкают опытные мужья, и поэтому вбивался в податливое тело под ним, как слепой дурачок, задыхаясь и что-то несвязно мыча. Отцовские замашки. Его голова была опущена — он то и дело впивался зубами в светло-розовые ореолы груди...

...принцессы Лиандры.

С широко раздвинутыми ногами она лежала под ним. Без своих многослойных одежд амаринка казалась пугающе хрупкой, почти прозрачной, как наши тюли. Молочная кожа выглядела болезненной, а её груди, не стеснённые корсетом и приличиями, растекались, как две тяжёлые капли, подрагивая от каждого толчка. Светлые волосы разметались по подушкам, прилипнув к влажным губам.

Она даже не отбивалась. Напротив: её пальцы с силой впились в плечи Мурата, оставляя багровые борозды, а из горла вырывались надрывные стоны. Каждый раз, когда мальчишка входил в неё со всей своей нелепой дурью, Лиандра выгибалась дугой, подставляясь под непозволительные касания.

— Мурат?! — мой голос сорвался на визг, перекрывая звук шлёпающей плоти.

Он вздрогнул и медленн

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.